

Прошло довольно много поколений с тех пор, как впервые появились прото-крылья. Теперь они были больше похожи на крылья из моих воспоминаний, хотя были и меньше по размеру в их текущей точке развития. Изменения в их анатомии также были почти доделаны. Я почти не мог поверить, как быстро это изменение было достигнуто по сравнению с изменениями, которые я делал раньше. Мое влияние было, конечно, больше, чем тогда, когда я только начал. После этого последнего великого изменения, я задавался вопросом, как буду использовать все свое возрастающее влияние. Я вспомнил Нежный кустарник, и сколько от меня потребовалось, чтобы общаться с ней во сне. Это заставило меня думать, что несмотря на все мое влияние, затраченное на возможность изменять их тела, мое общению с ними напрямую было гораздо более трудной задачей. Возможно в этом состояло мое будущее, не в оказании влияния на их тела, а в оказании влияния на их умы.

Глядя на то, как они имели дело со своими миниатюрными крыльями, я увидел, что они научились складывать их, чтобы они не мешались на их пути, и обнаружили, что они приходится к стати в плане балансировки. Когда они вытянуты вдоль своих рук, первичные перья распространяются за пределы досягаемости их рук. Хотя они были еще не достаточно длинными для полета, для ящериц, которые не имели таких крылья много поколений назад, они по-прежнему казались довольно большими.

В сложенном состоянии они достигали расстояние от чуть выше плеч до основания хвоста. Они должны были бы по крайней мере достичь земли в сложенном положении, чтобы быть достаточно большими для того, чтобы нести их. Несмотря на их текущую бесполезность для полета, они обеспечивали новую коммунальную деятельность среди крылатых колоний. Процесс чистки между семьями и членами колонии стал забавной социальной активностью, которая занимала ящериц, таким образом, перья оставались чистыми, поскольку они были не в состоянии очистить их полностью самостоятельно. Если одна ящерица имела неудобство в своих крыльях, их способность избирательно мерцать могла точно определить область дискомфорта для другой ящерицы, чтобы та могла исправить эту проблему.

Такое избирательное мерцание стало нормой для указания на части тела по какой-либо причине внутри каждой колонии, контроль которой пришел от превосходного цветового мастерства Чешуйчатой певички в ее песнях. Точечное мерцание не только работало как указание на часть тела, но также развивалось как форма шепота. Мерцающая только одной частью тела вне поля зрения других, ящерицы могли эффективно и тихо общаться друг с другом. Дети получали удовольствие от передачи секретных сообщений, а взрослые могли с легкостью удивлять своих любимых. Хотя не весь шепот был для развлечения и игр. Охотничьим партиям стало легче отслеживать добычу, поскольку они не сдавали свою позицию, мерцающая лишь определенной частью тела, а не всем телом. Иметь возможность общаться и командовать только рукой было невероятно выгодно. Они никогда не переставали удивлять меня всеми своими чудесами, которых они достигали без вмешательства моего влияния.

Наблюдая за ними, в основном, ожидая того, когда крылья, будут завершены, то чувство, посредством которого, я был связан с землей, внезапно вызвало что-то внутри меня. Это было похоже на слабый рывок. Я так много взял на себя в процессе формирования и ускорения развития крыльев, что не обращал особого внимания на то место, в котором они жили. Но этот рывок был важным. Беспокойство начало заполнять меня, и я начал чувствовать себя предвестником беды.

Я решил последовать за этой нитью, которая соединяла меня с землей, отвлекая себя от крыльев на кратчайшие моменты. Я последовал по тропе, которая, казалось, затягивала меня,

ощущалась сквозь скалы, чем дальше я шел. Я чувствовал, что мои связи с ящерицами, ослабевали. Только мое сердце семьи осталось с ними, пока я уходил все глубже под землю. Что здесь было такое, что звало меня прочь? Половина меня хотела мчаться назад к моим ящерицам, не желая терять близости с ними, а другая половина, полная страха и опасений за свою безопасность, заставляла меня двигаться вниз.

Я чувствовал как сползаю внутрь по скале, точно так же, как я делал с моими ящерицами. Я не осознавал, насколько был связан с землей. Или, может быть, с течением времени моя связь стала сильнее. Мой страх землетрясения и цунами заставил меня обратить больше внимания на землю под ногами моих ящериц, и хотя я отчаянно хотел вернуться к ним, к их теплу и успокоению, ради своей любви к ним я нырнул глубже.

Тепло, которое я почувствовал здесь, было другим, нежели чем у них. Здесь было жарко. Удушающе. Я мог чувствовать его сердцебиение, как будто он был живой. Источник жизненной силы земли протекал здесь, постоянно питаюсь и обновляя камень, деликатно находившийся над ним.

Я позволил себе упасть в горячую кровь, которая окружала землю. Моя связь понесла меня по потоку. Это было одновременно и чуждо мне, и знакомо, тепло создавало великолепные цвета внутри меня. Ропот и рев эхом отдавались повсюду.

Было ли это место тем, где я родился? Сюда ли я соскользнул, когда мой народ вымер? Это место определенно было мне знакомо. Но был легкий дискомфорт по этому поводу. Происходил ли этот дискомфорт от жидкого огня, который тек в жилах земель или от меня? Чем больше я погружался в него, тем сложнее было об этом сказать. Я искал возможность выпустить свой дискомфорт, и, в конце концов, нашел путь, который проходил через небольшую щель. Я надеялся найти освобождение там.

Я путешествовал через трещину, часть пульсирующего источника жизненной силы. Я знал, что эта тропа не существовала до недавнего времени, она была вновь сформирована. Новый поток, который не был его частью в течение нескольких веков, вливался в источник жизненной силы. Я путешествовал все быстрее и быстрее, отчаянно желая освободиться.

А потом я пришел к нему. Большому и огромному бассейну жизненной силы. Нет, после того, как я пришел к его поверхности, я почувствовал, что мои чувства начал возвращаться ко мне. Бурлящее, кипящее, бесконечно горячее вещество, которое безусловно являлось источником жизненной силы земли, мой народ называл не так. Они дали ему грозное имя, который производило как страх, так и панику - лава.